Глава 16. Я разбрасываю IQ для Национального мужского идеала

Подобные выходки редко вызывают одобрение, но если добавленная реплика идеально вписывается в контекст сцены и характер персонажа, режиссёр обычно не спешит давать команду «стоп». В конце концов, актёрская импровизация порой рождает те самые бесценные моменты, которые невозможно предусмотреть в сценарии.

В нынешних обстоятельствах резкий окрик Лу Манни не выглядел ошибкой. Он вполне соответствовал образу заносчивой и властной благородной супруги Лю. Однако объектом её нападок стал не кто-нибудь, а президент Развлекательной компании Чжао, и режиссёр уже набрал воздуха, чтобы прервать съёмку.

Но не успел.

В кадре Су Юй едва заметно усмехнулся — внешне почтительный, но пропитанный ядовитым сарказмом.

— Успокойте свой гнев, Ваше Высочество, — заговорил он. — Я знаю, вы страшитесь монаршей ярости, и лишь это движет вами. Но для меня нет ничего важнее здравия Его Величества. А потому, пусть мои слова и граничат с дерзостью, я обязан их произнести.

В этой драме Су Юй играл человека, который провёл подле императора долгие годы. Он был тем немногим, кому позволялось то, на что другие и дышать не смели. Его речь казалась дерзкой, но в логике персонажа она была безупречна.

Бросив на Ци Чэня взгляд, полный смирения, Су Юй продолжил:

— Я знаю, что этот кувшин вина «Чистый ветер и нефритовая роса» — плод ваших забот, госпожа. Однако хмель туманит разум и губит тело, а государю ныне надобно беречь силы. Я сознаю всё нечестие своего поступка. Пусть Его Величество карает меня по своему усмотрению, я приму любой приговор. Лишь бы государь знал: всё, что я делаю — лишь ради его блага.

Эти слова формально были признанием вины, но на деле каждое из них било по Манни. Он обвинил её в том, что она ищет лишь расположения императора, пренебрегая его здоровьем, и тут же выставил себя преданным мучеником.

Договорив, Су Юй низко склонил голову, собираясь опуститься на колени. Он делал это подчёркнуто медленно, словно давая кому-то шанс помешать ему.

И этот шанс был использован мгновенно. Ци Чэнь властно, но осторожно перехватил его за локоть, не давая коснуться пола.

— Супруга дала тебе верное наставление, — голос Ци Чэня звучал глубоко и ровно. — Впредь старайся не допускать подобных оплошностей.

Подняв «евнуха», Ци Чэнь повернулся к Лу Манни. Он, ещё мгновение назад спокойный, внезапно обдал её ледяным холодом.

— Уже поздно. Тебе пора отдыхать, супруга.

С этими словами он развернулся и зашагал прочь из палат. Лу Манни, всё ещё не вышедшая из оцепенения, поспешно склонилась в глубоком поклоне, пряча за покорностью вспыхнувшую обиду:

— Да хранит вас небо, Ваше Величество.

Ци Чэнь уходил стремительно. Су Юй сделал несколько шагов следом, но внезапно замер. Лу Манни инстинктивно вскинула голову и столкнулась с ним взглядом — прямым, насмешливым и полным нескрываемого презрения.

Её словно ударили наотмашь. Этот человек издевался над ней намеренно!

В памяти всплыли обрывки её прошлой жизни. Если бы не этот «соратник» Ван Юэ, разве её судьба сложилась бы столь жалко? Ненависть тёмной волной захлестнула сердце.

Однако она вовремя вспомнила, что камера всё ещё работает. Стиснув зубы, она изобразила на лице смесь горечи, одиночества и бессилия, глядя вслед ушедшему императору. Её пальцы до белизны костяшек впились в шёлк рукавов.

— Снято! — наконец выдохнул режиссёр.

Что бы ни творилось в душах актёров, результат на экране его более чем устраивал. Если закрыть глаза на вольную импровизацию, игра троицы была великолепна. Особенно его поразили Су Юй и Ци Чэнь.

Благородная супруга Лю в исполнении Лу Манни была дочерью влиятельного министра, избалованной и дерзкой женщиной, привыкшей к власти. Её самовольная реплика идеально легла в канву характера, добавив сцене живой остроты.

Что же касается Ци Чэня, то, несмотря на свои двадцать шесть, он в очередной раз доказал, почему его считают гением. В этой сцене у него почти не было слов, но его аура заполняла всё пространство. Финальный жест, когда он увёл за собой Главного управляющего внутреннего дворца, одной фразой и коротким движением показал всю глубину доверия императора к своему слуге. Обычного евнуха император не стал бы поднимать за руку.

Но самым большим сюрпризом стал Су Юй.

Хотя он позже всех вошёл в этот бизнес, режиссёр смотрел на него с нескрываемым восхищением. Предыдущие сцены уже заставили мастера сменить гнев на милость по отношению к «богатому и капризному президенту», но там не было конфликта. Ци Чэнь тогда сознательно сглаживал углы, не давая своей ауре задавить новичка.

Сейчас же всё было иначе. Режиссёр прекрасно видел, что Лу Манни вложила в свой выпад всю спесь, на которую была способна. Против Ци Чэня это бы не сработало, но для неопытного актёра такой психологический прессинг мог стать фатальным.

Однако Су Юй не просто выстоял. Он ответил таким мощным, сокрушительным авторитетом, что Лу Манни буквально лишилась дара речи. Это был триумф.

Когда софиты погасли, режиссёр подозвал актёров к себе. Несмотря на блестящий результат, мотивы Манни были слишком очевидны. Если «президент Чжао» всерьёз разозлится, под ударом окажется вся группа.

— Лу Манни, что это было? — строго спросил режиссёр, хмуря брови. — Я разве нечётко объяснил задачу? Или ты разучилась читать сценарий?

Манни, всё ещё кипя от злости внутри, мгновенно побледнела. Она склонила голову, изображая искреннее раскаяние.

— Простите, господин режиссёр. Я слишком глубоко ушла в изучение роли… На мгновение забыла, что это сцена специально для господина Чжао, и слова сорвались с языка сами собой.

Повернувшись к Су Юю, она посмотрела на него влажными, полными мольбы глазами.

— Господин Чжао, умоляю, не сердитесь. Я сделала это не со зла. Клянусь, это больше не повторится.

Извинение прозвучало, но в каждом слове сквозила фальшь. Су Юй окинул её холодным взглядом. Её бледность и этот дрожащий вид слишком сильно напоминали ему Цзян Юэюэ из прошлого мира. От этого сходства его начало подташнивать.

Если ему некомфортно, значит, виновник должен страдать вдвойне.

— Признать ошибку — это уже полдела, — произнёс Су Юй с ледяной вежливостью. — Я понимаю, тебе не терпится проявить себя. Но во всём нужно знать меру. Я ведь всего лишь новичок в индустрии, и если поползут слухи о том, что произошло, люди могут решить, будто ты издеваешься над неопытным коллегой.

Он сделал паузу, любуясь тем, как лицо актрисы становится мертвенно-серым.

— К тому же, у наших персонажей больше нет общих сцен. Так что, полагаю, «следующего раза» просто не представится.

Его слова били наотмашь. Сначала режиссёр обвинил её в некомпетентности, теперь Су Юй фактически обвинил её в дедовщине — это могло поставить крест на её карьере.

Возродившаяся Лу Манни умела подстраиваться под обстоятельства, но сейчас её захлестнула ярость. Оскорбления из прошлой жизни и нынешнее унижение смешались в один горький коктейль. Ей хотелось кричать, но она понимала: если сорвётся на Чжао Цинсуна сейчас, ей конец.

Нужно терпеть.

Она до боли впилась ногтями в ладони и глубоко вздохнула, подавляя клокочущую ненависть.

— Мне очень жаль. Я извлеку урок.

— Свободна. Нам нужно снимать дальше, — небрежно бросил Су Юй, отмахиваясь от неё, как от назойливого насекомого.

Манни медленно пошла в сторону гримёрки. Внешне она была спокойна, но внутри дала себе клятву: наступит день, когда она сбросит этого лицемера с его пьедестала и заставит его горько пожалеть о сегодняшнем дне.

Как только она скрылась из виду, к Су Юю подкатился Клубочек.

[Хозяин, — пропищал системный голос, — если вы хотите разобраться с главной героиней, почему бы просто не перекрыть ей кислород прямо сейчас? Ваше положение позволяет раздавить её одним щелчком пальцев]

Манни сейчас была мелкой сошкой, а Су Юй — главой гиганта индустрии. Одно его слово — и её карьере конец. А нет героини — нет проблем.

Су Юй посмотрел на Клубочка так, словно тот предложил ему съесть землю.

«Если верить сюжету, на развитие карьеры главного героя уйдёт лет пять или шесть. Если я прикончу её сейчас, чем я буду развлекаться всё это время? Жизнь станет невыносимо скучной».

[…]

Система хотела бы возразить, но аргументов не нашлось.

Ци Чэнь, внимательно наблюдавший за Су Юем, заметил странное выражение на его лице и с улыбкой спросил:

— О чём задумался, господин Чжао?

Су Юй перевёл на него тот же красноречивый взгляд, которым только что наградил систему.

— Да так. Опять вспомнил об одном дураке, чей интеллект стремится к абсолютному нулю.

[…]

Ци Чэнь внезапно почувствовал странную боль в районе коленных чашечек. Желание продолжать разговор почему-то пропало.

http://bllate.org/book/17580/1711483